

ПРОНИКНОВЕНИЕ

Штрихи к творческому портрету Раймонда Паулса

Начнем традиционно. Начнем с того, что у неких родителей — у рабочих, живших в предместье Риги Ильгюциеме — родились сын и дочь. Родились они незадолго перед второй мировой войной — Раймонд в 1936 году, Эдите — в 1939. Тем самым, как выяснится позже, латышская культура приобрела еще двух художников, чье детство пришлось на войну, личность которых начала формироваться в самое трагичное время, когда полыхала вся Европа и эхо войны докатывалось до каждой семьи. Возможно, это звучит несколько возвышенно, но я уверен, что подобные грандиозные события не проходят бесследно для души артиста, даже если он представлял так называемый легкий жанр, как это имеет место с Раймондом Паулсом — лауреатом Государственной премии Латвийской ССР, лауреатом премии Комсомола Латвии, народным артистом Латвийской ССР. Я нарочно начинаю с самого тяжелого, хотя и принимаюсь писать о звездах эстрадной музыки, так как, по моему, слишком много легкости придаёт этому жанру поклонники, обожатели, завистники, конкуренты, ищущие именно легкого...

Итак, первая тяжесть, которая определила его серьезное отношение к работе, это война со всеми ее заключениями. Даже путь его к музыке нелегок. Путь этот определили его дорогие, трогательные, любящие, все отдающие детям родители. Волдемар Паулс ничуть не скрывает своих тогдашних резонансов: «Я хотел, чтобы у моего сына была жизнь полнее. Я был стеклодувом, и отец у меня, дед Райниса, был стеклодувом... Я знаю, что это такое». И Раймонда силой сажают за пианино, отправляют в музыкальную школу. У мальчишки душа к этому не лежит. Это уже рабство. А свобода там — в ильгюциемских лугах, в кино, где показывают трофейные фильмы про Терзана, свобода на чердаках, а не за постылым пианино... Но ничего не поделаешь — он сдавался и садился играть. Иг-

рал на школьных вечерах, играл дома, когда заставляли, играл на вечеринках... подрабатывая. Такая вот она и была, послевоенная, трудная, но интересная жизнь. Многого не было, многого не хватало и многого нельзя было... Не хватало не только хлеба и сахара — не хватало и Своих Песен. Позади песни есть, Полумесяцкие, полулатышские шлягеры тридцатых годов. Тут и синие платочки, и репертуар Зары Леандер, и песни композиторов братских республик, и «Катюша», и песни латышских стрелков «Наш воин встал на смертный бой». Все это жило в народе вперемешку, как и сама история — все вперемешку.

Время шло, все дальше уходил от войны народ, уже хватало сахара и хлеб уже стал оставаться несъеденным, начали появляться новые, злободневные песни. Но такое понятие, как латышская советская эстрадная песня, подменялось «бессамэ мучо», «ариведерчи, Рома» да «красной розочкой». Песни неплохие, мелодичные, но ведь не свои.

В Латвийской государственной консерватории в то время учился Раймонд Паулс. Время своеобразный молодой пианист, но из тех, о ком говорят, что «ничто человеческое ему не чуждо», больше того — в одном классическом пороке этот студент совершенствовался с особым азартом... Читатель может и сам представить, что это значит для молодого человека, будущего музыканта, для его здоровья, для его духовного роста... Но трагичнее всего это переживали родители Раймонда, особенно мать. А как же — мы работали в поте лица, тащили мальчишку к роялю, изворачивались, отказывали себе во всем, а вырос гуляка, чья карьера в лучшем случае сведется к тому, чтобы брэнчать на танцульках... Это был ужасный период в жизни молодого музыканта. Он ходил по острию ножа. Наконец, его проялва тревога матери, взяла себя в руки, отрешился от пагубного пристрастия...

Мне остается только сказать,

что Раймонд Паулс окончил консерваторию с отличием и стал работать пианистом в Госфилармонии, потом руководителем Рижского эстрадного оркестра, потом основал ансамбль «Модо», а теперь является музыкальным редактором Латвийского радио и телевидения. Но это всего лишь анкетные данные, должности, обязанности. В сознании и в сердце латышей, да и других народов, Раймонд Паулс всегда — автор мелодичных песен, один из тех деятелей нашей культуры, которые несут нашу песню, а вместе с нею и имя нашего народа, республики и государства за все рубежи.

Интересно, подсчитал ли кто-нибудь (а сосчитать бы надо) число его эстрадных песен — их очень много. Песни Раймонда Паулса значатся и в репертуаре всемирно известного латышского хора — и суровые, и лирические, и торжественно-возвышенные, как рижские шпильи. Мне кажется, какие бы аподисменты и восторженные «бис» ни доводилось Паулсу слышать на концертах в Риге, Москве, Будапеште, Стокгольме, Берлине, Софии, ничто не может сравниться с многотысячным требованием на Празднике песни: «Автор! Автор! Автор!», когда народ вызывал не просто эстрадника, а выразителя своей души, своей судьбы, человека, разгадавшего загадку бытия своего народа.

Всем, всем надо бы видеть Раймонда Паулса в этот миг, тогда они поняли бы, что известный во всем мире боевик «Желтые листья» — всего лишь одна из многочисленных песен Паулса. А еще я посоветовал бы ценителям Паулса посмотреть «Бранда» Ибсена в постановке Художественного театра, где музыка Паулса звучит как отголосок запутанных норвежских скал и души этих людей Севера. А еще бесчисленные фильмы, включая известный по всему Союзу «Театр», а еще — балетные одноактные представления, а еще — обработки народных песен, а еще — баллады, а еще — мюзиклы.

Лично я работаю с Раймондом вот уже одиннадцатый год. В числе авторов текстов для его песен числится Альфред Круклис — автор первой его лирической песни, Зиедонис Пурес, автор песни «Лиенае», которая исполняется на наших Праздниках песни и которую увековечил покойный, трагичной судьбы светлый тенор Янис Забер; в числе его авторов народный писатель Арвид Грейгулис, народные поэты Ояр Вацietис, Имэнт Зиедонис и отличная, глубокая, проникновенная поэтесса Визма Белшевиц... Только что появился цикл с текстами трагически погибшей в 20-х годах латышской поэтессы Аустры Скуини, в котором ярко выражен щемящий тон города тех лет и только Риге присущий колорит, так как здесь, в Риге, сочетались культура востока и запада с так называемым латышским духом — с латышским фольклором, с народной песней, которая, как прозрачная дымка висит над железными каркасами мостов через Даугаву, пока не вознесется медленно в небо...

Когда композитора спрашивают (а бывает это довольно часто) почему он стал сочинять песни (ведь консерваторию он все же окончил пианистом), он отвечает с характерной для него, подчас шокирующей прямотой:

— Потому что петь было нечего. Я работал в Рижском эстрадном оркестре, нам нужен был репертуар, а люди хотели песен. Вот я и решил, что придется писать самому...

Сейчас Раймонд Паулс вошел в каждый латышский дом, начиная от рижских каменных зданий до сельских строений и хуторов в лесных излучинах. Звание народного артиста на сей раз нашло человека так точно, как пчела находит улей после долгого полета... Но не это главное. Самое главное то, что понятие «латышская советская эстрадная песня» усвоено и в других республиках и странах.

Чтобы понять личность Раймонда Паулса, остается упомянуть, что это одержимый человек. Оде-

ржимый работой. Он работает всегда. Днем, ночью, за роялем, в машине, ловя форель, в купе поезда... Не всегда такое можно увидеть. От чего это идет — от победы над самим собой тогда, когда решалось — быть или не быть человеку, не говоря уже о художнике, или от родителей это передалось — от людей непрестанного труда, а может быть, от удовлетворения своей работой, от признания в народе?.. Мне кажется, все эти моменты вместе и образуют личность Раймонда Паулса, личность, которая идет от тяжести, от сложной истории своего народа, от детства, сгоревшего в военную пору, от своих родителей... В музыкальной биографии Раймонда не только песни, но и джаз, пианистская деятельность и связанные с этим трудности в тот период, когда все, что «пахнет западом», не каждому нравилось.

Итак, я начал, что у неких родителей родились дети. О мальчишке я вкратце рассказал. Остается сказать, что «девчонка» — теперь заслуженный деятель искусств Латвийской ССР Эдите Паулс-Вигнере.

Вот так, 1936 и 1939 год в жизни рабочей семьи из рижского предместья оказались счастливыми годами, хотя это и были годы, пришедшиеся на страшный пожар, полыхавший в Европе...

[«Даугава», № 5, 1980 г., публикуется в сокращении].

АНУРСКИЙ КОММУНИСТ Г. Благовещенок

М 9 ЧВЛ 1986